

S T U D I A H I S T O R I C A

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава семнадцатая «Соглашения с римским Двором должно достигнуть не во внимание к Риму, а в видах нашей собственной непрременной потребности...». Заседание Секретного католического комитета	9
Глава восемнадцатая Первые шаги на пути к переговорам о восстановлении дипломатических отношений.	67
Глава девятнадцатая Возобновление работы Секретного католического комитета	157
Глава двадцатая Переменный успех российской дипломатии на новом этапе переговоров в Риме	198
Глава двадцать первая Продлить или прекратить переговоры с Римом?	268
Глава двадцать вторая Повторный разрыв дипломатических отношений.	342
Глава двадцать третья Конклав 1878 года. Вступление на престол Льва XIII	409
Глава двадцать четвёртая Начало переговоров в Вене о прелиминарном соглашении.	490
Глава двадцать пятая Заключительный этап переговоров в Вене и подписание прелиминарного соглашения	563
Глава двадцать шестая Подготовка к переговорам в Риме	606
Глава двадцать седьмая Начало и первый этап переговоров в Риме.	633
Глава двадцать восьмая Второй этап переговоров в Риме. Подписание соглашения	706

Глава двадцать девятая	
Миссия Винченцо Ваннутелли на коронации Александра III. Рухнувшая надежда на прибытие в Рим российского дипломатического представителя	771
Глава тридцатая	
Переговоры в Вене: быть ли российскому представителю при Святом Престоле официальным или официозным. Миссия А.П. Извольского: её ход и результаты	832
Глава тридцать первая	
Последние усилия обеих сторон достичь восстановления официальных дипломатических отношений	912
Глава тридцать вторая	
Восстановление дипломатических отношений России с Ватиканом.	993
Указатель имён	1011

Памяти моей сестры Елены

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«СОГЛАШЕНИЯ С РИМСКИМ ДВОРОМ ДОЛЖНО ДОСТИГНУТЬ НЕ ВО ВНИМАНИЕ К РИМУ, А В ВИДАХ НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ НЕПРЕМЕННОЙ ПОТРЕБНОСТИ...» ЗАСЕДАНИЕ СЕКРЕТНОГО КАТОЛИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

1870 год закрыл важнейшую страницу в жизни Святого Престола. Он подвёл черту под теми временами, когда римский папа был монархом довольно значительного государства и военного образования на Апеннинском полуострове, а папский Двор — немаловажным центром европейской политики, в которой Россия во время и после Венского конгресса играла важную роль. Положение папы серьёзно и резко изменилось: он перестал быть монархом, прекратило существование его государство, перед ним стоял трудный «римский вопрос», приходилось не раз возвращаться даже к вопросу о месте своего пребывания, к тому же он оказался перед лицом неожиданно возникавших совершенно новых проблем.

О состоянии его отношений с Россией с ясностью говорило одно слово — разрыв, полный, сопровождавшийся отменой с её стороны такого важного документа, как Конкордат 1847 г., для заключения которого пришлось приложить столько усилий и потребовалась личная встреча Николая I с папой Григорием XVI.

Между тем имелись все основания предполагать, что изоляция, в которой оказался Святой Престол, могла подвигнуть его на сближение с Россией. Однако два лица, представшие перед российскими дипломатами с предложениями своего посредничества в этом, не внушали им доверия. Осенью — зимой 1870 г. в Вене перед российским послом Е.П. Новиковым, а зимой 1871 г. в Риме перед П.А. Капнистом «свои теории относительно солидарности интересов России и католицизма вообще, а на Востоке — в особенности» развивал глава маронитов Юссуф Бей Карам. В это же самое время подобные взгляды перед теми же дипломатами излагал преподобный отец Беда Дудик из ордена бенедиктинцев, прежде уже выполнявший роль посредника в отношениях России с римским Двором и за свои заслуги награждённый орденом Св. Анны II степени.

Суждения Карамы, обобщённые Новиковым (донесение от 14/2 декабря), сводились к следующему.

Осведомлённый о нашем намерении не поднимать сегодня Восточный вопрос, он, тем не менее, несколько раз возобновлял попытку мне объяснить удобный случай, который должен бы для нас готовить отныне элементы на будущее путём сближения с римским Двором, который в определённый момент объединит вокруг России всех лиц, придерживавшихся принципов, и всех добросовестных католиков.

Это сближение, утверждал он, должно произойти на почве консервативного характера, присущего обеим сторонам, ибо не признаваемые на Западе набожные и охранительные начала сохраняются в России, которая отныне одна может спасти мир от политической анархии и социального разложения. Эти начала формируют характер союза между нею и Римом, несмотря на разницу исповеданий. Свою роль, по его мнению, призваны были сыграть и нынешние обстоятельства, которые ведут, больше чем когда либо, к перемещению в Россию притягательного центра живых сил католицизма.

Действительно, папа видит себя преданным латинскими державами, его естественными союзницами, которые все знали с революцией. В свою очередь, восточные державы поняли, что Запад их только эксплуатирует в эгоистических целях, сеет раздор между инакомыслящими конфессиями и подвергает их опасности быть разбитыми поодиночке их общим врагом. Наступил, таким образом, момент, когда Россия может воспользоваться ошибками своих противников. Протягивая руку папе, но не для того, чтобы поддержать извне его светскую власть, а чтобы успокоить добросовестных католиков быстрым восстановлением у себя авторитарной личной связи, которая их соединяет с Его Святейшеством, она заполучила бы всех уроженцев Востока латинского исповедания и лучшую часть их единоверцев в Европе.

Посол признался министру, что не будет давать оценку слов главы маронитов, но считает необходимым привлечь внимание А.М. Горчакова к тому факту, что в это же самое время к нему обратился более серьёзный агент «ультрамонтанского дела», отец Дудик. Он развил перед ним аналогичные соображения с единственной разницей, что сумел их перевести на практическую почву.

В интересах России, — сказал он Новикову, — сделать невозможным повторение революции в Польше. Такого результата можно достичь лишь на почве Церкви, так как только религией польский народ может быть поднят на восстание. Следовательно, Вам нужно, совершенно необходимо, признать в католицизме важный политический фактор. А ведь нынешняя эпоха особенно благоприятна сближению России с римским Двором. Покинутый всем миром, этот последний искренне желал бы примирения с императорским правительством¹, которое к взаимной пользе было бы скреплено замещением вновь епископских кафедр в Польше, ставших

¹ Против подчёркнутых им же слов Александр II заметил: «До настоящего времени он ничего не сделал, чтобы заставить в это поверить».

вакантными после смерти занимавших их номинальных епископов и с тех пор обслуживаемых викариями епископа. Римская Курия считала бы себя удовлетворённой такой принципиальной уступкой и охотно не интересовалась бы национальностью будущих епископов, что для неё безразлично, но для России очень важно. Действительно, надо, чтобы епархии обслуживались бы лицами, знающими язык и обычаи страны, но не имеющими местных родственных связей, которые охватывают Польшу широкой революционной подпольной организацией, то есть чтобы кандидаты не были бы польского происхождения. Преданные их религии, но также верные их политической клятве, эти новые епископы оказали бы благотворное воздействие на низшее духовенство, население и семинарии. Их русские язык и преподавание послужили бы мощным рычагом, чтобы приглушить постепенно революцию.

Дудик предлагал начать с калишской епархии, а затем эту модель распространить на другие вакантные кафедры. Он сам претендовал бы на этот пост и ручался, что добьётся согласия римского Двора, чтобы способ выбора на католические кафедры Польши был бы уподоблен тому, о котором договорились три года назад для холмской греко-униатской епархии. Тогда нунций в Вене Мариано Фальчинелли представил римскому Двору список из нескольких кандидатов, в число которых аббат Михаил Куземский был внесён вследствие предварительной договорённости с российским посланником в Вене Э.Г. Стакельбергом¹.

Переговоры, по мнению аббата, не следовало вести ни в С.-Петербурге, где, очевидно, не захотели бы присутствия аккредитованного нунция, ни в Риме, где папа «слишком обманут польской кликой», а в Вене, где нунций менее доступен влияниям, враждебным России, и где аудитор нунциатуры отец Мончини полностью разделял идеи Дудика.

На вопрос посла, как происходило избрание епископов в католических странах, его собеседник дал такую справку. Во Франции монарх выбирал кандидата из трёх предложенных нунцием. В Австрии, после отмены Конкордата, составлялись два списка: один — митрополитом, а другой — наместником провинции. Они представлялись императору, но, в своём качестве апостолического короля, он имел привилегию не быть связанным этими списками и мог предложить собственного кандидата. Взамен Святой Отец сохранял за собой право вето. Предлагаемый же Дудиком способ, по его утверждению, поставил бы Россию в исключительно выгодное положение, когда, формально уступая представителю римского Двора, на деле он добился бы, чтобы его выбор пал на кандидатов, заранее одобренных императорским правительством².

¹ Судя по российским документам, такой предварительной договорённости с Фальчинелли у Стакельберга не было. См. Книга первая. С. 901–905.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 1–5.

Ещё до получения этой депеши Новикова, пересланной ему Горчаковым, Капнист узнал о беседах с Новиковым от самого Карамы, в конце января 1871 г. прибывшего в Рим прямо из Вены. Он навестил его, заверив, что делал это от имени Новикова, хотя не представил никакой письменной рекомендации, и сразу начал развивать свои теории относительно общности интересов России и католицизма вообще, а на Востоке в особенности. По существу, он повторил уже сказанное Новикову, пояснив, что прибыл в Рим с единственной целью восстановить отношения и установить согласие между императорским правительством и римским Двором. По его утверждению, ему удалось «полностью привлечь на свою сторону» кардинала Алессандро Барнабо, префекта конгрегации Пропagанды веры. Он намерен был поговорить с Джакомо Антонелли и с самим папой, чтобы их «убедить». Он просил у Капниста одобрения и кооперации в этом деле, осуществить которое, по его признанию, будет «нелегко и непросто». Зная о его героической роли в Ливане и позаботившись, кроме того, осведомиться у К.П. Иксуля, тогда российского посланника в Италии, о его прежней деятельности, Капнист оказал ему хороший приём, терпеливо выслушав его очень многословную речь. Но на все его настояния ограничился тем, что в своё время в аналогичных обстоятельствах ему рекомендовал Горчаков (в депеше от 17/5 февраля 1870 г.) в отношении предложения о его услугах Йосипа Юрая Строссмейера. Поэтому он его заверил, что любое начинание или предложение, прямое и формальное, со стороны папы, чтобы достичь соглашения, будет принято и рассмотрено российской стороной. Воздержавшись от того, чтобы не одобрять каким-нибудь образом предприятие Карамы, он ему сказал, что мог только разделить, вообще говоря, идеи относительно пользы примирения.

Капнист не сомневался, что, судя по сказанному им, он не имел никакого прямого или косвенного поручения от Курии и даже не был ею введён в курс дел, а потому полагал, что будет выпровожен самим Ватиканом. Его предвидение оправдалось.

Во время следующей беседы Карам, правда, повторил, что Барнабо полностью разделял его идеи, но дипломат отнёс это за счёт обычного приёма, к которому прибегают в Курии, когда хотят ничего не делать и не ранить самолюбие собеседника.

Карам поведал также, что, когда кардинал, по его настоянию, изложил папе его идеи, он его выслушал благожелательно, но «абсолютно ничего не сказал». Увидеться с Антонелли Карам не смог, ибо предупреждённый Барнабо, о чём идёт речь, кардинал под разными предлогами избегал встречи с ним. Карам просил Капниста отредактировать составленное им письмо папе и дать «разрешение» отправить его. Кроме того, Карам просил о возможности заявить, что императорское правительство было бы радо принять папского нунция. В этом письме, развив свои теории, он просто предлагал понтифику без промедления направить в Россию нунция.

В лестных словах в адрес главы маронитов Капнист отказался редактировать письмо и дал понять, что не имел права давать такое «разрешение». Капнист не знал, отказался ли Карам посылать письмо или оно осталось без ответа, но больше он к этой теме не возвращался.

Когда он ещё раз навестил дипломата, то выглядел несколько обескураженным и был особенно сердит на Антонелли. К нему он направил своего племянника, и сказанное кардиналом ему не понравилось. Он показал Капнисту написанное им письмо Горчакову с просьбой переслать в С.-Петербург. В нём он возвращался к своей идее нунциатуры в России, говорил о необходимости предоставить полную свободу сношениям католиков со Святым Престолом и просил о встрече с министром в С.-Петербурге. Капнист не отказался переслать письмо, но сказал, что оказии у него очень редки, а в отношении встречи посоветовал обратиться к российскому послу в одной из пограничных стран. Во время последней встречи Карам не говорил о письме Горчакову.

Беседы эти показались Капнисту «совершенно пустыми», и он был доволен, когда из посланной ему депеши Горчакова, адресованной Новикову, убедился, что сказанное им Караму вполне совпадало с содержанием депеши.

Главу маронитов он находил человеком, наделённым «замечательной энергией и восточной тонкостью, хитрым и обидчивым». И если он разбирался в делах Востока, то был наивен и совершенно невежественен в делах Запада. Было очевидно, что не только не было и тени согласия между ним и Ватиканом, но что он был оттуда выпровожен¹.

Если демарши Карамы показались Капнисту не имевшими ничего серьёзного, ни практического, иначе он отнёсся к начинаниям Дудика и признавался, что с трудом поверил бы, что они действовали совместно.

Дудик знал положение в Риме. Он казался Капнисту из той категории официальных агентов,

...охотно выступающих посредниками между двумя враждебными сторонами, беря на себя инициативу, которую никто из них не хочет принять на себя, и приписывая её каждой из них перед другой. Такой образ действия очень част среди второстепенных служащих, которые должны уживаться с Курией. Нередко это полезно и может облегчить начало переговоров, когда почва подготовлена и речь идёт лишь о том, чтобы сделать первый шаг.

Но, замечал он, «иногда это ведёт только к увеличению дистанции, разделяющей враждебные стороны». Капнист не верил, что Дудик предпринял свои шаги по поручению, хотя бы косвенному, Ватикана, но не исключал, что в нунциатуре Вены он добивался для себя поручения об исполнении миссии между нею и российским посольством.

Со своей стороны, дипломат полагал, что Святой Престол пойдёт на переговоры только в случае официально полученных предварительных заверений в желании договориться либо в целом, либо по какому-то специальному вопросу, каковым,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 7—12.

скорее всего, могло стать заполнение епископских кафедр. А такую инициативу он примет на себя, лишь будучи поощрён к этому императорским правительством.

Вопросом, поднятым Дудиком, особо привлёкшим внимание Капниста и показавшимся имевшим наибольшее практическое значение, был его намёк, что касалось епископской кафедры в Калише, на которую он выдвинул бы свою кандидатуру. По сведениям, которыми располагал Капнист, это был бы действительно самый желательный кандидат, но ему было неизвестно, был ли он католиком или греко-католиком, что было очень важно, так как Святой Престол никогда не согласился бы назначить в епархию одного обряда епископа, принадлежавшего к другому¹.

Тем временем при новом посещении его Дудиком (донесение от 18/6 февраля 1871 г.) Новиков, как бы продолжая обмен личными идеями, заявил, что полностью разделял его мысль о необходимости отделить в Польше католицизм от революции и искать для этого почву для примирения в справедливом сосуществовании с римским Двором. При этом он пояснил:

А поскольку долгий опыт нас сделал осмотрительными, для нас было бы недостаточно, как мне кажется, чтобы нас заставить вступить на этот путь, ни обещания отца Дудика, ни даже возможных авансов находящегося в Вене нунция. Для этого необходима никак не менее чем прямая инициатива папского правительства, инициатива, подтверждённая гарантиями его доброй воли.

С ним был согласен Александр II, заметивший на полях: «конечно, нет».

Заверяя в существовании подобной инициативы, Дудик сослался на прочитанную им депешу Антонелли нунцию в Вене, в которой он его призывал воспользоваться любым случаем, предоставленным императорским правительством для восстановления дружеских отношений с Курией.

От себя Дудик заметил, что, если императорский Двор хочет поставить отношения с римским Двором на службу своим политическим целям в Польше, ему следует избегать всякого обсуждения принципов, особенно при восстановлении канонических отношений епископата с папой. Единственный путь — это заполнение одной за другой епископских кафедр в Польше, начав с вакантных по причине смерти, а не высылки занимавших их лиц. Относительно списка, который непременно имел бы высшую санкцию, существовала бы лишь предварительная договорённость российского посольства с нунциатурой. В этом проявилось бы бережное обращение, с одной стороны, с очевидными правами, принадлежащими римскому Двору, с другой — реальными правами императора. Дудик считал возможным гарантировать, что такой образ действия не встретил бы затруднений в Риме. Причём свобода действия императорского правительства в таком случае была бы гораздо лучше сохранена, чем если бы инициатива исходила от него, а не от римского Двора.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 12—14.

Так же как в беседе с Капнистом, Дудик предлагал начать с калишского епископства, которое он был бы рад получить для себя. Но не из личной выгоды, так как, чтобы постараться быть действительно полезным на этом посту, он должен был бы не ограничиваться тем, чтобы следить за обучением в семинариях. Он посетил бы все приходы епархии, присматривал бы за низшим духовенством, пользующимся большим влиянием в самих польских семьях, и неусыпно контролировал бы благотворительные учреждения, служившие рассадниками революции. Для осуществления подобной активности при наличии неисправных дорог предназначенных на содержание епископа 8 или 10 тысяч рублей серебром едва ли было достаточно, и требовалась вся энергия и самоотверженность лица, которое, подобно отцу Дудику, это сделало делом своей жизни, чтобы безбоязненно встретить относительные неудобства такого положения. Такое отступление от темы послужило для дипломата доказательством личной заинтересованности его собеседника довести до конца основной вопрос.

Он добавил, что, возводя, таким образом, постепенно в сан епископов лиц, знающих язык и обычаи страны, но в силу их происхождения чуждых местным страстям; вводя русский язык в духовное преподавание; склоняя высланных штатных епископов (даже посредством пожизненной пенсии) добровольно сложить своё звание, отменять которое запрещал канонический закон; наконец, заставляя пересылать их корреспонденцию с римским Двором через императорские власти — всегда с оговоркой, что эта предосторожность не обуславливается правом правительства, а является лишь уместной мерой, временный характер которой не исключал неопределённую продолжительность, — можно постепенно произвести чистку польского духовенства и заглушить ростки революции.

По его мнению, самое время было бы приступить к реализации этого плана, потому что «при нынешней системе генеральных викариев и католической консистории в С.-Петербурге (т. е. Духовной коллегии. — О.С.) состояние умов лишь ухудшается». И в случае вооружённого конфликта между Россией и одной из соседних держав, «стало бы очевидно, что Польша, под которую тайно произведён подкоп, служит мощным революционным рычагом в руках наших врагов».

На этом донесении Александр II написал, разумеется, Горчакову: «Мы об этом поговорим»¹.

Демарши Карамы и аббата Дудика послужили поводом для Капниста (донесение от 24/12 января 1871 г.) изложить свои соображения о возможных переговорах с римским Двором. Он исходил из сказанного в депеше от 20/8 декабря 1870 г., адресованной Новикову:

У нас вызывают отвращение эти окольные пути. Открытая инициатива Святого Престола, реальные гарантии и твёрдое решение папского правительства отделить

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 24—28.